

В. И. Вернадский

*Украинский вопрос
и русское общество*

*Неопубликованная статья (1915 г)
хранится в Архиве АН СССР
(ф. 518, оп. 1, д. 220Б).*

Публикация, вступительная статья и примечания
ВЯЧЕСЛАВА БРЮХОВЕЦКОГО

Дружба народов, №3, 1990.

Впервые опубликована в украинском переводе
(Наталия Белоцерковец) в газете «Молода гвардія»
от 12 марта 1988 г.

***Сканирование и распознавание В.К.
Страницы в файле соответствуют
страницам оригинала.***

В. И. Вернадский**НАЦИЯ И МИР**

Украинский вопрос и русское общество

Воистину личность
ренессансной — по широте,
духовному кругозору,
по разносторонней глубинной
деятельности — является
Владимир Иванович Вернадский.
Своими идеями и обобщениями
ученый настолько обогнал время,
что человечество только сегодня,
и то исподволь, начинает постигать
колоссальную значимость его
учения о биосфере
(сфере жизни на Земле)
и ноосфере (сфере воздействия
человеческого разума на
окружающую среду, на естественные
процессы, протекающие
независимо от воли человека).
Его имя среди основателей
геохимии, космохимии,
гидрохимии, радиохимии,
радиогеохимии. Общепризнан его
вклад в минералогия,
кристаллографию, генетическое
почвоведение. Он создал новую науку
— биогеохимию,
фундаментальную важность
которой человечество осознает
только ныне. Именно
В. И. Вернадский показал
творческую геохимическую роль
живой материи в истории Земли,
в накоплении жидкой,
твердой и газовой оболочки нашей
планеты. Сегодня мы только
приблизительно представляем ценность
научных теорий академика
В. И. Вернадского для будущего.
Наверное, лишь А. Эйнштейна
можно поставить рядом с ним как
ученого, конгениального столетию:
Как всякий выдающийся
исследователь-естественник,
В. И. Вернадский создал
свою целостную философию
миростроения, философию
общественной жизни. Она
непосредственно связана с его учением
о ноосфере и отражает сложные
взаимообусловленности

природного и общественного процессов.
«Есть два коренных вопроса
народной жизни,— записал юноша
Владимир Вернадский в своем
дневнике.— Мы можем их определить
экономическое и духовное развитие
народа». Именно выяснению того,
как сочетаются два эти коренные
вопроса, и посвятил свою жизнь
ученый. Важной в его общей теории
предстает проблема свободной
проявления всех заложенных природой
в каждой нации сил. Социальный
аспект этой проблемы
В. И. Вернадский постоянно изучает,
начиная с конца 70-х годов XIX века.
Особое место в его размышлениях о
духовном богатстве любой нации,
а значит, и каждой личности занимает
Украина. И не только потому,
что он был основателем и первым
президентом АН УССР,— корни этой
заинтересованности тянутся в
детство и семейную родословную.
В воспоминаниях ученого читаем:
«Отец и мать мои были киевляне. В
обеих семьях были живы
национальные украинские традиции.
Мои детские годы (1868— 1876)
я провел на Украине, в Полтаве и в
Харькове, бывал и в Киеве...
Отец и мать хорошо знали
украинский язык. Мать,
очень музыкальная,
с большим голосом (меццо-сопрано) —
прекрасно пела украинские песни,
бывали дома и хоры.
На меня это сильно действовало...»
Так что не случайно В. И. Вернадский,
«русский по культуре и по всему укладу
своей жизни», правда,
как он сам писал, «русский,
вся жизнь которого непрерывно
была связана и с Украиной и с
украинским освободительным
движением», возмущался произволом
царского самодержавия и различных
шовинистических, а позже и
черносотенных организаций по
отношению к духовному развитию

народа. Во многих работах ученый гневно разоблачал это дикое нарушение закономерностей естественной жизни. Предлагаемая читателю статья написана во времена шовинистического угара первой мировой войны. Вероятно, Вернадский написал ее в своем имении Шишаки, на хуторе Ковыль-гора на Полтавщине. Статья осталась неопубликованной: ныне ее машинописный экземпляр хранится в Архиве АН СССР (ф. 518, оп. 1, д. 220Б). На конкретном примере В. И. Вернадский показывает бессилие даже самой жестокой по репрессивной мощи бюрократической машины, пытающейся подавить естественно обусловленную духовную красоту народа. Этот вопрос стоял крайне остро в те годы.

Наиболее прогрессивные люди понимали, что путь к его решению — революционный слом и решительная отмена искусственных преград свободному развитию самобытных народов. В. И. Ленин в статье «Украина» писал накануне, Великой Октябрьской социалистической революции: «Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке».¹ Революционная часть русского общества видела путь решения украинского вопроса. И именно большевики сразу же после победы Великого Октября сняли преграды свободному проявлению духовных потенций нации, входившей в состав царской «тюрьмы народов».

Украинский вопрос есть вопрос старый,— он ровесник появлению украинского этнографического элемента в составе Московского государства, В разное время вопрос этот принимал разные формы.

Сущность украинского вопроса заключается в том, что украинская (малорусская) народность выработалась в определенно очерченную этнографическую индивидуальность с национальным сознанием, благодаря которому старания близких и дальних родичей обратить ее в простой этнографический материал для усиления господствующей народности оставались и остаются безуспешными.

Национальное самосознание украинцев развивалось на почве этнографических отличий, особенностей психики, культурных тяготений и наслоений, связывающих Украину с Западной Европой, и исторически сложившегося уклада народной жизни, проникнутой духом демократизма.

Когда польско-украинская борьба закончилась добровольным присоединением Украинского государства к Московскому Царству, на основании договора 1654 г., одновременно начался долгий, до сих пор не закончившийся, период трений между украинским населением и русской властью, обусловленных централистическими стремлениями последней.

В XVII и XVIII веках русско-украинские отношения сводились к постепенному поглощению и перевариванию Россией Украины как инородного политического тела, причем попутно ликвидировались основы местной культурной жизни (школа, свобода книгопечатания) и подвергались преследованию даже этнографические отличия. Последовательное развитие новых начал управления к концу XVIII века успело малопомалу сгладить следы административной автономии на Украине, а сопутствовавшее новому укладу жизни разложение социальных отношений ослабило оппозицию украинцев великорусскому централизму. Как и в период польского владычества, высшие слои украинского общества в значительной части шли навстречу объединительным тенденциям правительства, а народные массы, по мере распространения на Украине новой социально-экономической структуры, обращались в живой инвентарь государственного хозяйства, теряя значение активной силы в национально-культурной жизни края.

Процесс разложения политического единства Украины проходил не без протестов со стороны сознательных элементов украинского населения и не без чрезвычайных мер со стороны государства, ускорявших водворение нового строя на раз-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 32, с. 342

валинах старого. Были вспышки местных бунтов, попытки первых гетманов спасти политическую самостоятельность края при помощи иных держав, были открытые военные восстания, подавление которых вело за собою жестокие репрессии со стороны центрального правительства. Вместе с тем, последнее применяло разнообразные способы уничтожения военной силы Украины вплоть до специальных карательных экспедиций (разрушение Сечи) и выселения.

По мере ослабления национальной жизни Украины протест против русского централизма принимал иные формы, но не прекращался до конца XVIII в. Одна за другою в Петербурге появлялись депутации, ходатайствовавшие о сохранении и восстановлении народных прав. Созыв Екатериною депутатов для обсуждения вопросов государственного характера вызвал на Украине целое движение протестов против обезличивания украинского народа и лишения его политических прав. Наиболее пылкие украинские политики даже и в этот период считали себя вправе высказывать свои жалобы на действия русского правительства иностранным государям. В литературных произведениях этого времени не умолкает скорбь об утраченных правах и национальных вольностях.

В XIX в. Украина как политический организм с самостоятельную внутреннюю жизнь перестала существовать, будучи окончательно, по выражению Петра Великого, «прибрана к рукам» Россией. Все следы автономного строя исчезли, все особенности местного уклада, соответствовавшие народному характеру и составлявшие лучшее приобретение национальной культуры,— как организация народного просвещения, своеобразный строй церковно-религиозной жизни,— уступили свое место общерусскому порядку, державшемуся на трех китах: централизм, абсолютизм, бюрократизм. Борьба за политические интересы старой Украины закончилась за отсутствием объекта этой борьбы.

Но национальная жизнь на Украине не исчезла; она в это время начала возрождаться в новых формах, соответственно новым условиям. Благодаря обращению украинских писателей к живой народной речи получила значительное развитие обновленная литература, близкая к широким массам украинского населения и послужившая могучим фактором национального украинского движения.

Совпавшее с этим периодом возрождение западославянских народностей дало новую почву и широкое научное и культурное обоснование украинскому национальному движению как одному из составных элементов стремления человечества приобщить народные массы к достижениям культуры и утвердить торжество демократических идей.

Первые идеологи этой стадии украинского движения исходили из идеи равноправия украинской народности с другими славянскими народами и ставили своим идеалом восстановление национально-политической самостоятельности Украины в составе России, на началах федеративного устройства и широкого демократического строя в местном управлении. В дальнейшем развитии движения украинское общество отстаивало, главным образом, свои права на свободное культивирование народного языка в сфере школы и литературы, относя национально-политическую автономию края к постулатам более отдаленной очереди.

Возрождение украинского движения в новых формах вызвало на первых же порах судебные репрессии правительства и положило начало новому периоду борьбы официальной России с украинскою народностью,— на этот раз уже, главным образом, с национально-культурною стороною ее жизни как с реальным обоснованием национального самосознания украинской интеллигенции. В официальной терминологии украинское движение этого периода получило название «украинского сепаратизма».

Меры правительства против украинского движения, не считая личного преследования украинских деятелей, выразились в исключительном цензурном режиме, ограничивавшем употребление украинского языка в печати самыми узкими рамками,— в стеснении украинской драматургии и сцены, в гонении на украинский язык в школе, в общем враждебном отношении ко всякому оказательству украинского национального самосознания или даже стихийного влечения к национальному украинскому элементу.

В частных проявлениях борьбы с «украинским сепаратизмом» администрация, особенно местная, доходила до преследования самых невинных и естественных проявлений национальной украинской стихии, как пение народных песен, выступления кобзарей и т. п.

В какой мере в этих случаях правительственная политика не считалась с интересами просвещения и культуры, видно из того, что с наибольшим ожесточением украинская национальная идея преследовалась в церковно-религиозной и школьной литературе. Именно там, где украинская интеллигенция видела лучшее орудие просвещения и наиболее прямой путь к моральному и культурному подъему народных масс, правительство видело лишь угрозу единству русского народа и прочности государства.

Период интенсивной борьбы с украинским движением продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 г. Наиболее острые моменты: 1847 (Кирилло-Мефодиевское братство¹), 1863 (запрещение религиозной литературы²), 1876 (запрещение всех видов литературы, кроме беллетристики³), 1881 (подтверждение этого режима⁴). Мотивировалась эта борьба утверждениями об этнографическом, культурном и языковом единстве отдельных ветвей украинского народа, о равномерном участии этих видов в создании русского литературного языка, общегосударственной роли которого исключает-де необходимость в параллельном развитии иных языков и литератур русского корня; рядом с этим указывалась государственная опасность украинского «политического сепаратизма» и преобладания в украинском движении антигосударственных социалистических тенденций; наконец, высказывались подозрения и обвинения в инородном или иноземном происхождении украинского движения, внушаемого и поддерживаемого исконными врагами России, каковы поляки, немцы и т. п.

Правительственная политика этого периода стремилась к определенной цели — достичь полного слияния украинцев с господствующей народностью и уничтожить вредное для последней сознание своей национальной особенности в украинском населении. В своем существе эта политика великорусского национального централизма была, таким образом, не менее сепаратистской, нежели подозреваемое в сепаратизме украинское движение; только официальный сепаратизм был великорусский и клонился к претворению огромного, многоязычного и многокультурного государства в нивелированную по великорусскому образцу страну, великой России — в Велико-россию.

Освободительное движение в короткий промежуток 1905—1907 гг. дало украинцам свободу от специальной цензуры, прессу, расширение рамок литературной работы, попытки организованной общественной деятельности в сфере народного просвещения. Правящие круги в поворотный момент русской истории (конец 1904 и начало 1905) пошли навстречу и украинской народности в ее наиболее настоятельных нуждах, результатом чего явилось возбуждение вопроса о снятии с украинской письменности цензурных ограничений и разрешение издать украинский перевод четвероевангелия. Украинское национальное самосознание проявило себя в этот период национальным представительством в первой и второй государственных думах, от которого исходили веские и обоснованные заявления о ждущих своего разрешения нуждах украинского населения в области народной школы, о национализации среднего и высшего образования, а также местных правительственных установлений, наконец, о реформах местного управления, экономических и социальных отношений. Эти голоса, однако, уже не были услышаны, и вместе с кризисом народного представительства умолкли. Наступил новый период гонений на украинское движение.

Период этот совпал с усилением националистических тенденций в русском обществе, на которые оперся в своей внутренней политике Столыпин. Борьба с стремлениями инородцев к национальному самоопределению сделалась одним из лозунгов столыпинского управления, — и в число этих инородцев правительством определено и сознательно включаются украинцы. Сенатский указ о закрытии польской *Oświaty*, как организации, содействующей культурному обособлению поляков от России, служит исходной точкой для действий администрации по отношению к украинским «Просвітам»⁵ и другим общественным организациям. В ряде циркуляров по ведомству м(инистерства) в(нутренних) Д(ел) Столыпин объявляет борьбу с украинством государственной задачей, лежащей на России с XVII столетия. Наконец, в качестве кодекса официальных воззрений на украинское движение появляется исследование Щеголева⁶.

Осложняющим моментом в украинском вопросе являлось развитие украинского движения за пределами России — в Галиции. Там движение началось в середине XIX в. и носило, как и в России, исключительно культурно-национальный характер с теа-

денцию к усовершенствованию форм внутреннего управления своей страны. Более широкие рамки политической жизни способствовали успехам украинской культуры в Галиции. Литературные и общественные силы российской Украины в периоды усиленных репрессий отливали в Галицию и также участвовали в местной культурной работе. В итоге украинцы усвоили взгляд на Галицию как на Пьемонт украинского национального возрождения, тогда как русские официальные сферы привыкли смотреть на нее как на очаг украинского сепаратизма, поддерживаемый чужеродными влияниями. Реакционные москвофильские течения⁷ Галиции служили опорой такому взгляду.

Отношение широких кругов русского общества к украинскому движению прошло значительную эволюцию. Спокойно-равнодушное вначале, с некоторым интересом к нарождающейся литературе и с идейным сочувствием к национальному возрождению украинцев со стороны отдельных представителей славянофильской мысли, в дальнейшем оно дифференцировалось. Националистические течения отнеслись к украинству подозрительно-враждебно, примыкая к официальной политике. Культурное значение пренебрегалось, социальная сторона вызвала опасения, национальная — отвергалась. Прогрессивные круги отвлеченно сочувствовали, но практически держались пассивно, не вникая в положительные стороны движения и не останавливаясь на принципиальной недопустимости стеснения в области культуры. Широкое развитие украинской изящной литературы, успехи украинской науки в Галиции, культурный и экономический подъем украинского населения в этом крае как наглядное доказательство плодотворности национального начала в народном просвещении — все это прошло мимо внимания русских общественных кругов. На этом фоне общественного равнодушия лишь временами выделялись единичные случаи глубокого понимания вопроса и активно сочувственного отношения, мотивируемого широко толкуемыми интересами национального единства и целостности России. Выражением такого положительного отношения к украинскому вопросу явилась записка Академии Наук 1905 г.⁸ об отмене стеснений малорусского печатного слова, которая имела огромное значение как противовес успешному образованию отчуждению между украинской интеллигенцией и русским обществом.

В последнее десятилетие с усилением в обществе националистических настроений выяснилось отрицательное отношение к украинскому движению даже в известной части прогрессивных элементов общества, в глазах которых главная опасность движения заключается именно в его культурной роли, угрожающей России национальным и культурным расколом. Эти элементы сознательно поддерживают противукраинскую политику правительства, их не шокируют административные способы оценки и разрешения вопросов педагогики, филологии, культуры. Из этой среды появляются затем провозвестники великорусского империализма, признающие право творить культуру только за большими нациями и на этом основании обрекающие культуру 30-миллионного украинского народа на растворение в великорусском море.

Вражда официальной и националистической России к украинскому движению вызвала к себе интерес и внимание в идеологах и руководителях воинствующего германизма, для которого она представлялась благоприятным фактором в случае возможной борьбы против России.

Это внимание германских политиков к украинскому вопросу не только не побудило русское правительство и общество изменить свое к нему отношение и разрешить его согласно принципам общечеловеческой справедливости, настоящим нуждам украинской народности и пользам государства, но окончательно ожесточило враждебные украинству элементы, объединив их в ненависти к новому «мазепианству».

Война 1914 г. в известной мере явилась результатом этого рода настроений, ибо отношения между Россией и Австрией определялись по преимуществу славянофильско-националистической идеологиею, в которой одно из главных мест занимало враждебное отношение к росту украинской культуры в Галиции и стремление к «воссоединению подъяремной Руси» с Россией на началах этнографического единства.

Успехи России на австрийском фронте в первые месяцы войны дали возможность правительству при содействии националистов предпринять уничтожение ненавистного «очага мазепианства». Осуществлялся этот план с чисто германскою последовательностью и жестокостью, — путем полного разрушения украинской общественности и культуры в Галиции и насильственного изгнания из нее интеллигентных сил.

Период неудач, повлекший за собой отступление из Львова, отрезвил увлекшихся националистов и побудил правительство смягчить свою нетерпимость к украинской национальности в оккупированных частях Галиции. Но общее отношение к украинскому движению не изменилось, о чем свидетельствует тяжелое положение высланных галичан и продолжающиеся цензурные притеснения украинской прессы и литературы в России, которые в последнее время, по-видимому, имеют тенденцию восстановиться для украинского слова действие доконституционного режима.

Вместе с тем силою вещей «освобождение подъяремной Руси» принимает дальнейшие своеобразные формы. В договорах союзных держав с Румынией видное место занимает передача ей Буковины, а в переговорах с поляками относительно государственного устройства будущей Польши упоминается предстоящая уже теперь замена русского управления польским в «завоеванных частях польской территории»; предположение это, очевидно, касается оккупированной русскими войсками части восточной Галиции,— как известно, составляющей не польскую, а исконно украинскую территорию. «Освобождение» свелось, таким образом, сперва к разрушению украинской культуры во имя русского единства, а затем — к отдаче украинского населения Буковины и Галиции в жертву румынизации и колонизации.

Нового в этом для украинской народности, впрочем, мало. И в прошлом ее интересы жертвовались государством в пользу более сильных или более нужных в данный момент соседей,— чаще всего в пользу поляков, несмотря на извечную русско-польскую вражду. В XVII веке Аддрусковский договор⁹ разделил украинскую территорию между Россией и Польшей, В XVIII веке Екатерина помогла полякам подавить восстание украинского крестьянства против польской власти в то самое время, как восставшие считали, что они действуют в интересах России¹⁰. В XIX веке правительство становится на сторону польских аграриев против украинского демократизма, а слепая борьба с унией содействует колонизации Холмщины. В XX веке произведенное русскими руками обескровление восточной Галиции восстановило в ней прежнее влияние польской культуры, подорванное было развитием культуры украинской. В подобных случаях интересы русского дела, русской идеи, русского единства руководителями русской политики в расчет не принимались.

По мнению украинского общества, русские прогрессисты пассивным отношением к украинскому вопросу совершают огромную историческую и политическую ошибку. Они усиливают этим позицию правительства и националистов, вместо того, чтобы своею критикою, построенною на тех же исходных точках, какими пользуется официальная теория, разоблачать ее вред и опасность. Голос украинской интеллигенции, при укоренившихся предубеждениях против украинского движения, не может быть убедителен для правительства и широких, мало знакомых с сущностью вопроса общественных кругов. Тогда как авторитеты русской науки и признанные представители русской общественности своим влиянием могли бы если не окончательно разрешить украинский вопрос, то все же сдвинуть его с мертвой точки и приблизить разрешение этого векового, тяжелого государственного недоразумения. Опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме. При таком взгляде движение, по существу естественное, органическое и имеющее равное право на существование со всеми аналогичными движениями, отодвигается в ряды бесправных, а потому враждебных данному государственному укладу явлений, легко воспринимающих оттенки чуждых влияний и тяготений. При отказе от традиционной политики самое широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России, даже при соответствующих стремлениям украинцев реформах внутреннего строя. Продолжение же противоукраинской политики сохраняет в государственном организме язву бесправия и произвола, парализующую всякий успех прогрессивных начал не в меньшей мере, чем сохранение пресловутой черты оседлости.

Страх перед племенным и культурным «расколом» ради отвлеченной и проблематической опасности укореняет опасность реальную — примирение с насилием и произволом. Украинцы в этом раздвоении культуры видят, наоборот, расцвет заложенных в. русское племя данных и боятся нынешнего фактического раскола в русском обществе, обусловливаемого диаметральной противоположностью точек зрения сторонников и противников украинской идеи. Антагонисты украинства не желают допустить свободы украинского движения из страха политического и культурного

ущерба для России — украинцы видят ущерб именно в отсутствии этой свободы и в возможности сомнений и колебаний по такому ясному и простому вопросу. Лучшие из сомневающихся не уверены, что следует допустить украинское движение, украинцы же считают преступлением против общечеловеческого права противодействие просветительской и культурной работе в каких бы то ни было живых национальных формах. Отсюда растущая пропасть взаимного недоверия, переходящего во вражду.

Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинским народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературы, общественной жизни; украинцы полагают, что в интересах не только местной украинской, но и общерусской культуры не ставить препятствий их стремлениям к украинизации местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления. В общем, украинцы считают, что свобода украинской культуре требуется именно интересами русского дела и что сохранить украинцев как русских Россия может лишь приняв их со всем национально-культурным обликом как украинцев. Так как украинское движение органично и питается корнями народной жизни, то оно никогда не угаснет, а, следовательно, положительное разрешение украинского вопроса для государства, не отказывающегося от основных начал правового строя, неизбежно, и всякие отсрочки и проволочки в этом разрешении только углубляют внутренний разлад в государстве, обществе и народе.

Вопрос идет об охране интересов самой подлинной культуры, притом способной проникнуть в народные массы гораздо глубже и шире, чем та общерусская культура, именем которой оперируют врага украинского движения.

Вопрос идет об отказе от тех самых приемов государственного насилия в национальных отношениях, которые теперь так часто ставятся в упрек германизму.

Вопрос идет о сохранении за Россией культурного и политического воздействия на украинское движение, ибо при нынешней политике всегда будут поддерживаться условия, способствующие тяготению к внешним центрам, как у поляков было к Кракову, у литовцев — к Кенигсбергу, у украинцев — ко Львову и Черновцам.

Вопрос идет, наконец, о сохранении и развитии русского племени из его исконных корней, об усилении его сопротивляемости чуждым влияниям, об устранении условий, ослабляющих и разлагающих украинскую народность и искусственно отклоняющих ее интересы в сторону нерусских тяготений.

Представители сочувственно относящихся к украинскому движению кругов русского общества должны взять этот вопрос в свои руки. Необходимо признать, что ни преследования со стороны правительства, ни отсутствие общественной поддержки не приостановят работы, которую несет на себе, в интересах своего народа, украинская интеллигенция. Но общественное равнодушие перед фактом национального бесправия может поселить в украинцах убеждение в полной безнадежности нормального эволюционного пути для достижения условий, благоприятствующих их национальной работе. А отсюда, как естественное последствие, могут развиваться, с одной стороны, пораженческие настроения, а с другой — тенденции к уклонению от общегосударственной работы и к сосредоточению всех сил на интересах своей народности, которое во всяком случае обещает больше практических успехов. Убедительным примером в этом смысле являются поляки и их тактика полного безразличия к вопросам текущей русской государственной и общественной жизни, поскольку они не связаны с чисто польскими интересами.

Одним из средств, с помощью которых можно было бы видоизменить в благоприятном смысле отношение русского общества к украинскому вопросу, могут быть публичные выступления, наподобие предпринятого группою ученых издания брошюр по чехословацкому и южнославянскому национальным вопросам. Возможны и иные формы воздействия на малоосведомленные или предубежденные против украинского движения круги общества и влиятельные сферы.

В области публицистики программа практических начинаний на первое время могла бы быть следующая:

а) установление правильного взгляда на украинское движение в специальных изданиях от имени группы русских ученых и общественных деятелей.

б) В частности, содействие скорейшему разрешению школьного вопроса путем освящения роли родного языка в народной школе и мер освобождения украинского языка от лежащих на нем в этом отношении ограничений.

в) Содействие введению специальных дисциплин по украиноведению в высшей школе и соответствующих предметов в средней.

г) Содействие отмене всяких ограничений в области литературы, прессы и культурной работы, установленных для украинцев.

д) Быть может, было бы также не уместно возвысить голос, в общерусских и украинских интересах, против предполагаемой отдачи украинского населения Буковины и Галиции под власть Румынии и Польши.

Этот вопрос примыкает к более общему вопросу — о судьбе украинской культуры в Галиции и Буковине, полное разрешение которого теперь, конечно, преждевременно, но принципиальное освещение желательно, а некоторые практические шаги, как, например, реабилитация эвакуированных из Галиции украинцев, — и безусловно необходимы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кирилло-Мефодиевское братство — тайная политическая антикрепостническая организация, созданная в 1845 году в среде интеллигенции, объединившейся вокруг Киевского и Харьковского университетов. В ее состав входили Н. Гулак (кстати сказать, родной дядя матери В. И. Вернадского), А. Навроцкий, Н. Костомаров, П. Кулиш, В. Белозерский, Т. Шевченко и другие. В марте — апреле 1847 года братство разгромлено жандармами.

² В 1863 году был распространен так называемый Валуевский циркуляр, по которому запрещалось издавать на украинском языке любые книги, кроме произведений художественной литературы.

³ Так называемый Эмский акт, утвержденный в 1876 году императором Александром II, дополнял Валуевский циркуляр. По нему запрещался ввоз в Россию украинских книг из-за границы. Не разрешались также театральные представления на украинском языке и печатание текстов украинских песен к нотам.

⁴ В 1881 году был принят закон, подтверждающий основные репрессивные меры в отношении украинского языка. Единственное «ослабление» — разрешение печатать словари и тексты к нотам.

⁵ «Oświata», «Просвіта» — польская и украинская общественные организации, созданные в XIX веке для просвещения народных масс.

⁶ Имеется в виду книга известного своими товинистическими взглядами киевского цензора С. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма», которая была издана в Киеве в 1912 году. В И. Ленин, законспектировав ее, заметил, что автор — «черносотенец бешеный»: а специфику «исследования» охарактеризовал так: «Масса имен с прямой целью доноса» (Ленинский сборник. XXX. М. 1937. С. 10).

⁷ Москвофилы — общественно-политическое течение в Галиции, на Буковине и Закарпатской Украине во второй половине XIX — начале XX века. В своей деятельности руководствовались шовинистическими представлениями о «единой и неделимой» русской народности и тесно сотрудничало с царской охранкой и реакционными кругами русских славянофилов. В И. Ленин в статье «Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию?» резко вскрыл антинародную платформу москвофилов. На заявление Милюкова («К воссоединению Восточной Галиции давно уже стремилась одна из русских политических партий, находившая себе поддержку в одной из политических партий Галиции, так называемых «москвофилах») В. И. Ленин в июне 1915 года, то есть, вероятно, в то же самое время, когда писалась статья В. И. Вернадского «Украинский вопрос и русское общество», ответил: «Эта «партия» — царизм, Пуришкевичи и т. д. — интриговала давно и в Галиции и в Армении и пр., не жалея миллионов на подкупы «москвофилов», не останавливаясь ни перед каким преступлением ради высокой цели «воссоединения» (Полн. собр. соч. Т. 26, с. 274).

⁸ В конце 1904 года царское правительство под давлением революционных событий было вынуждено пойти на известные уступки в ограничении украинского языка. При Академии наук была создана специальная комиссия для рассмотрения этого вопроса в составе академиков А. Шахматова, Ф. Корша, А. Фаминцина, Фортунатова, А. Лаппо-Данилевского и С. Ольденбурга. 18 февраля 1905 года комиссия представила на утверждение общего собрания Академии наук записку «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», которая была одобрена. Авторы записки (в основном, А. Шахматов и Ф. Корш) доказали несостоятельность шовинистических взглядов на украинский язык и литературу и отметили недопустимость любых преград их свободному развитию в общечеловеческих интересах.

⁹ Согласно Андрусовскому договору 1667 года вся Правобережная Украина (кроме Киева) передавалась царской Россией во владение Польши, что вызвало недовольство и протесты украинского народа.

¹⁰ Речь идет о Колиивщине, крестьянском восстании 1768 года на Правобережной Украине против шляхты. Оно было жестоко подавлено польскими магнатами о помощью царской армии.

Публикация, вступительная статья и примечания
ВЯЧЕСЛАВА БРЮХОВЕЦКОГО